

- ²⁷ См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. 2. М., 1999, 416–417.
- ²⁸ Фразеологический словарь русского языка. Изд. 4. М., 1986, 167.
- ²⁹ Фразеологічний словник української мови. 1. Київ, 1993, 311.
- ³⁰ Беларуска-рускі слоўнік. 1. Мінск, 1988, 453.
- ³¹ Ср.: Ключевский В.О. Сочинения. 6. М., 1959, 159.
- ³² Jacobsson G. Le nom de temps *leto* dans les langues slaves. Uppsala, 1947; Jacobsson G. Polysemie und semantische Struktur. Betrachtungen anlässlich des slavischen Wortes *leto* // Scando-Slavica VI, 1960, 185–195.
- ³³ Ср.: А(никин) А.(Е). Лéто // Новое в русской этимологии I. М., 2003, 133–135; там же основная литература.
- ³⁴ См. также: Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959, § 184.
- ³⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... I, 645.
- ³⁶ См.: Журавлев А.Ф. Слав. **jiskra*. Рус. искрометный // Этимология. 1986–1987. М., 1989, 79–81.
- ³⁷ Славянские древности... 3. М., 2004, 238–240.

Л.В. Куркина

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Слав. *-*šelpati*

Внимания этимологов не привлекала засвидетельствованная на территории восточных славян группа однокоренных префиксальных глаголов с общим значением ‘понять, выяснить’ – русск. диал. *расшелопáть* ‘понять, разобрать’ (ворон., СРНГ 34, 323), укр. *роздолопати* ‘сообразить, понять, смекнуть’ (Гринченко IV, 63), диал. *рошишолóпам* ‘понять, раскумекать’¹, бlr. *расшалбáць* ‘раскумекать’ (Блр.-русск.), ‘раскусить, выяснить’ (Байкоў-Некраш. 276), диал. *рысшалбóпца* ‘разобраться’ (Бялькевіч 396). Экспрессивно окрашенный глагол в простой форме без префикса *шалбáць* ‘понимать, разбираться в каких-л. делах’, отмеченный в северо-западных говорах Белоруссии (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 5, 454), является отражением глагола, слабо засвидетельствованного в несвязанном виде, с исходной формой **šelpati*.

Причина невнимания этимологов к этой группе лексики, возможно, кроется в формальной близости с гл. **šlepati*, который, вне всякого сомнения, относится к звукоподражательным образованием. В словаре В.И. Даля слова с корнем *шелеп-* включены в гнездо звукоподражательного *шлеп-*, а это означает, что *шелеп-* определяется как вариант с развитием ложного полногласия. Такому понима-

нию способствует частичное совпадение семантики, наличие у диалектизмов с корнем *шелеп-* значений, сложившихся на основе звукоописания. Результатом сближения с звукоподражательными *шлёт*, *шлётать* стали рус. диал. *шелеп*, *шёлепέнь* и *шлепок* ‘удар, нашлепка’, смол. ‘плеть, кнут’, север. ‘палка, хворостина’, олон. *шелепуга* ‘кнут; долгий витень’ (т.е. кнут, который хлопает, шлепает), пск., твер. ‘пустомеля’ (Даль³ IV, 1417), укр. *шеле́на* ‘увалень, тупой человек’ (Фасмер IV, 423). В качестве семантической параллели можно привести *хлыстарь* ~ *хлыст*, нижегор. *хлыстун* ‘праздный тунеядец, шатун’ (Даль² IV, 639, 550) и т.п.

Однако объяснение интересующих нас вост.-слав. глаголов на основе звукоподражания трудно признать единственным возможным. Открытой остается и другая возможность – возможность вторично-го сближенияозвучных глаголов. В связи с затемнением внутренней формы вост.-слав. образований притяжение шло со стороны активно функционирующего звукоподражательного гл. **šlepati*. Трудности с разграничением глаголов, выявлением этимологических истоков гл. **šelpati* связаны с переосмыслением, развитием экспрессивно окрашенного значения ‘понять, раскусить’, что не могло не привести к разрушению генетических связей.

По причине взаимного притяжения гл. **šelpati* и **šlepati* и частичного их совпадения разрешающие возможности рассматриваемого материала крайне ограничены. Представляется, что в данном случае семантике принадлежит важная роль в восстановлении исходных мотивационных отношений. Чтобы выяснить исходную семантику, полезно обратиться к типологии порождения значения ‘понять’. Как показывает изучение славянского материала, семантическое поле ‘понять, разобраться’ объединяет глаголы, сложившиеся на базе основ с широким кругом исходных значений – ‘взять’ (ср. **po-n-eti*), ‘долбить’ (ср. рус. диал. *раздолбáть* ‘объяснить кому-л. что-л.’, ‘понять, усвоить что-л.’ – СРНГ 33, 329; укр. *раззовкти* *sobi* ‘сделать понятным для себя, уяснить’ < **orzielkt'i*, -*tylkq*), ‘метать’ (ср. рус. *кумекать*, *смекнуть* < **-metnqtí* – ЭССЯ 22, 181), ‘делить, разделить’ (рус. *разобрать*) и т.д. По той же семантическим моделям формируется лексика со значением ‘понять’ во всех индоевропейских языках (Buck 1207–1208).

Дальнейшее продвижение вглубь, связанное с выбором семантической модели и исходной основы для вост.-слав. диалектизмов, возможно с помощью этимологического анализа. По всей видимости, вост.-слав. диалектизм, сохранившийся не в прямом, а переносном значении, представляет собой один из фрагментов распавшегося этимологического гнезда. Подробное изучение материала направлено на поиски возможных родственных образований. В связи с этим хотелось бы обратиться к рассмотрению группы вост.-слав. диалек-

тизмов с тем же корнем *шелеп-*, но со значениями, весьма удаленными от понятийной сферы. Все они обнаруживают признаки, указывающие на производность от глаголов со значением ‘выдолбить, выбить, вырезать’. Такую мотивацию обнаруживает рус. *вят. шелеп* в значении ‘ощепок, оскепанное на лучину березовое полено’, неоправданно связываемое в словаре В.И. Даля с звукоподражательным *шлётать*, а также сиб. *шалопайка* ‘деревянный уполовник, большая ложка’ (т.е. ‘то, что выдолблено из дерева’) (Даль³ IV, 619, 628), а также арханг. *шалоп* ‘глубокая яма с отвесными краями’². Далее в новгородских говорах в разном оформлении находим лексемы, обозначающие мелкий лес: рус. новг. *шелёпа* (*Шелепа – мелочь леса, нестроевой лес, годный на дрова*), *шелепняг*, *шелепник*, *шелепёк*, *шелепуга* ‘заросли мелкого леса или кустарника’, ‘заросли растений с высоким стеблем’ (Новг. словарь 12, 86–88). Общим для семантики этих диалектизмов является признак ‘мелкий, дробный’. Этот же признак составляет основу семантики рус. новг. *шелепняг* ‘снег крупными хлопьями’, *шелепняг* ‘проезжие люди’ (Новг. словарь 12, 86–88), урал. *шелопонь* экспр. ‘мелюзга, маленькие дети’ (Сл. Сред. Урала VII, 48), а также арханг. *шалепуга* ‘крупная снежинка’, *шалепуги*, *шалепухи* ‘хлопья снега’³, *шалепа* (*шалипа*) ‘снег с дождем’ (Новг. словарь 12: 76, 78).

Общее, что объединяет названные диалектизмы в плане содержания, – это нарушение целостной структуры какого-л. объекта. И если признать, что приведенные диалектизмы указывают на существование гл. **šelpati* в прямом значении ‘долбить, выбивать, вырезать и т.п.’, то сам процесс семантических преобразований предстает следующим образом: ‘долбить’ > ‘нечто выдолбленное, вырытое’ > ‘яма’, ‘долбить’ > ‘мелкий, дробный’ (ср. ‘щепка’, ‘маленькие дети’, ‘хлопья снега’, ‘проезжие люди’ и т.д.). Как будто бы отсутствуют препятствия для подключения к этому ряду вост.-слав. продолжений **šelpati* с развитием переносного значения ‘долбить, толочь’ > ‘понимать’ и последующим переводом основы **šelp-* в группу лексики, передающей понятия из интеллектуальной сферы.

Представляется возможным поставить вопрос о принадлежности к этому гнезду еще одной группы русских образований, не имеющих сколько-нибудь удовлетворительного объяснения: рус. *шалопай* ‘бездельник, повеса’, *диал. шалапай*, *шелопай*, волог. *шалопа́нь* ‘рослый, нескладный человек’, ‘шатун’ (Даль³ IV, 1393). В.И. Даляр поместил *шалапай*, *шелопай* ‘шатун, бродяга, бездельник, негодяй’ в одном гнезде с *шалый*, указав при этом в скобках со знаком вопроса франц. *chenapar* (Даль² IV, 620). Как правило, в этих словах видят результат преобразования заимствования из европейских или тюркских языков. М. Фасмер, обозревая существующие объяснения, при-

знает сомнительной идею заимствования из франц. *chenapan* ‘негодяй, хулиган’ (< нем. *Schnapphahn*), из нем. *Schlüffel* (Горяев 420) или из тюрк. (ср. татар. *şalbak* ‘дурак’, узб. *şalpan* ‘человек с обвислыми ушами’, *şalpak* ‘ленивый’), отклоняет предложенное Г. Ильинским сближение с *холопай* ‘слуга, служанка’ (Фасмер IV, 400).

В формальном и семантическом плане экспрессивно окрашенные русские образования как будто бы могут быть соотнесены с вост.-слав. **šelpati*. И в пользу такого сближения суффиксальное оформление по модели отлагольных производных на *-ан*, *-ай*: ср. рус. диал. *голодай* ‘голодающий человек; бедный человек’, *голодан* ‘голодающий человек’ ~ *голодать* (СРНГ 6, 314, 315), *расстебай* ‘неряшливый, небрежный, плохо одетый человек’ (пенз.) ~ *расстебáть* ‘расстегивать’ (СРНГ 34: 227), *расстегай* ‘сарафан’ (влад., волог., тул., нижегор.) ~ *расстегáть* ‘расстегивать’ (СРНГ 34: 228), *растрапай* ‘непричесанный, неопрятно одетый человек; неряха’ (тул., ворон., твер., калуж., влад.), ‘разиня, простофиля’ (курск.) ~ *растрапáть* (СРНГ 34: 273) и т.д. В словообразовательном и семантическом плане производность рус. *шалопай* от гл. **šelpati* ‘долбить’ поддерживается отношением рус. *раздолбай* ‘дурак, бесполочь’ (пенз.), ‘расхлябанный, небрежный человек’ (курган.) ~ *раздолбáть* ‘раздолбить’ (СРНГ 33, 329).

С большими трудностями сопряжены поиски индоевропейских истоков вост.-слав. **šelpati*. При реконструкции исходной и.-е. основы в формальном плане некоторые трудности вызывает начальное *š*. В индоевропейских языках сочетание *ks*, особенно в начале слова, подверглось разным изменениям, в результате которых приобрел трудно идентифицируемую форму. Для начального *š*- признается наиболее вероятным развитие из *ks-* (ср. слав. **šestъ* < **kṣek-s-*, рус. *шибáть* ‘бросать, бить’ < **ksei-b-*)⁴. Принятое в литературе предположение о метатезе *sk* > *ks* дает основание поставить вопрос об общих генетических истоках слав. **šelp-* < **kṣelp-* и продолжений и.-е. **skelp-* ‘царапать, скрести’ с отражениями в греч. *σκόλοφ* ‘крот’ (т.е. ‘Graber’), *σκόλοφ* ‘кол’, лат. *scalpō*, *-ere* ‘царапать’, ср.-в.-нем., нов.-в.-нем. *schelfe* ‘кожура’, англос. *scielf* ‘острие скалы’ и т.д. (Рокоты I, 926), а также рус. диал. *расщелепáть*, *расщелепítъ* ‘расщепить, разломить’ (Перм. словарь 2, 282), *прищелóпок* ‘кругой холм, бугор’ (кем., арханг.) (СРНГ 32: 72).

Такое понимание генетических отношений подводит к реконструкции распавшегося этимологического гнезда, сохранившегося в виде отдельных, на первый взгляд далеко отстоящих друг от друга, не связанных между собой фрагментов в вост.слав. ареале.

Слав. *šalъjь*

Остается до конца невыясненной этимология широко представленного на славянской территории прилаг. **šalъ(jь)*. Основу семантики слов. **šalъ(jь)*, **šalъпъ(jь)* составляют значения ‘быстрый, активный’, ‘дикий, непредсказуемый; капризный’, ‘глупый’. Весь спектр значений находит отражение в славянских языках:ср. болг. *шала* ‘рэвость, шалость’, с.-хорв. *шала* ‘шутка’, чеш. *šáliti* ‘обманывать’, польск. *szał* ‘бешенство, безумие’, рус. диал. *шаль* ‘шальной, непредсказуемый человек, шалопай, хулиган’, ‘глупый, несообразительный, необразованный человек’, ‘шалун, баловник’ (арханг., волог.), ‘шальной, дикий (об урагане)’ (арханг.), *шалеть* ‘баловаться, капризничать’, ‘дуть (о ветре)’ (арханг.), *шальнóй* ‘выполняющий непосильную работу’, ‘быстрый на действия и решения’, ‘ненастоящий, кажущийся’, ‘удалой, активный, умеющий работать и веселиться’ (волог.), *шальный* ‘преступный, несмирный, буйный’ (волог.), *шалýга* ‘непутевый человек’ (волог.), ‘плохая голова’ (волог.), ‘о недоброму человеке’ (волог.), ‘тот, кто делает все неправильно, наоборот’ (волог.) и т.д. В структуру семантики слов входит признак, который в самом общем виде может быть определен как неумеренная активность (= отступление от принятой нормы, прежде всего о поведении человека). Видимо, этот основной признак, проявляющийся в разной форме и в разной степени, стал определяющим для диал. *шалýган*, производного на *-ыг-ан*, названия мифологического существа, нечистой силы, появляющейся в метель во время святок, и урагана, порывистого ветра⁵.

Слав. **šalъ(jь)* посвящена большая литература. Поиски этимологии велись в разных направлениях. Едва ли заслуживает серьезного внимания соотнесение слов. **šalъ(jь)* с греч. *κηλέω* ‘очаровывать, прельщать’, ‘укрощать зверей’ <**kēlei-ti* (3 л.ед.ч.) с экспрессивным развитием *k* > *ch*, т.е. **chēlīti* > *šaliti* (Macheck² 601). Без объяснения оставлены О.Н. Трубачевым вопросы фонетической идентификации слов в попутно высказанном замечании о родстве рус. *шалить*, *шáлы́й*, простор. *шалáва-шлюха*, польск. *szał* ‘бешенство’ с рус. *шильяться* < **sylēti*⁶. Последняя по времени этимологическая разработка принадлежит М. Белетич. В предлагаемом ею решении слов. **šalъjь* сближается с ю.-слав. (*x)ala* в значении ‘вредоносный змееподобный мифологический персонаж’, исходной базой для этих образований признается первонач. прич. на *-l* от гл. **sajati*, **xajati*⁷. По мысли автора, доводом в пользу такого решения служит не только структурное сходство, но и наличие в семантике **šalъjь* призыва, характерного для мифологического персонажа, – проявление стихии; неистовство, бешенство: ср. рус. диал. *шалеть* ‘сойти с ума’ и серб. *ала* ‘буря с градом, ненастная погода’, болг. *алá* ‘буря’. Автор

признает, что образ южнославянского мифологического существа сложился уже после переселения славян на Балканы в эпоху средневековья на основе взаимодействия, взаимовлияния двух мифологических систем – славянской и балканской, что создавало благоприятные условия для миграции слов. Трудно согласиться с одним из основных выводов автора о необходимости этимологического разграничения названных образований и слов. **xala* / **xalъ* ‘нечистота’, **xalati* / **xal'ati*, **xoliti* (ЭССЯ 8, 12–13). Такое решение представляется оправданным только в отношении ю.-слав. (*x)ala*, узколокального образования с неясными истоками (Skok I, 651), характерного для центральной и восточной частей южнославянского культурноязыкового пространства⁸.

Наиболее убедительным и обоснованным остается традиционное объяснение слов. **šalъ(jь)*, нашедшее отражение в словаре Фасмера. В этом словаре, вслед за Г. Ильинским, предполагается развитие из **xēl-*, связанного чередованием гласных с **xol-* (рус. *холить*), **xōl-* (рус. *нахал*) (Фасмер IV, 399, 218; также Brückner 539–540). Поскольку в некоторых случаях слов. *x-* фонетически восходит к *ks-*⁹, славянские образования с корнями **xol-* и **xal* объясняются как продолжения **ksol-* от и.-е.**ks-* ‘скрести’, ср. др.-инд. *kṣālāyati* ‘мыть, чистить’, лит. *skalāuti* ‘мыть, полоскать’ (ЭССЯ 8, 61). На индоевропейском уровне наблюдается параллелизм корней **ksol-* ‘скрести, чистить, обрезать’ и **skel-*¹⁰. Основной круг значений, характеризующих продолжения и.-е. **ksol-* на славянской почве, находит отражение в русских диалектах: ср. рус. *холить* ‘ухаживать за кем-н., заботиться о ком-, чем-н., держать в чистоте, тепле, сытости’, твер. ‘стегать, драть’, пск., твер. ‘стричь очень коротко’, волог., ряз. ‘чистить’, пск., твер. *хáльный* ‘взятый наглостью’ (ЭССЯ 8, 17, 61), рус. *нахáльный* ‘наглый, дерзкий’ и т.д. (ЭССЯ 22, 79). Восстановливаемое для этой лексической группы исходное значение ‘скрести, драть’ стало исходной точкой для перехода к значению ‘чистить’ и ‘холить, нежить’ и далее к значению ‘шальной, необузданый’. В качестве семантической параллели можно привести соотносительные с гл. *скрести* рус. алт. *скрёбкий* ‘ловкий, искусный’, орл. *скребец*, прозвище драчливого слабосильного человека, пускающего во время драки в ход ноги (СРНГ 38: 128), пск., твер. *поскреба* ‘неприятный, с дурным нравом человек’ (СРНГ 30: 170), яросл. *скробкий* ‘несговорчивый (человек)’, урал. ‘злой, неуживчивый (о человеке)’, волог. ‘человек, делающий что-л. быстро, но неудачно, скорый да не спорый, быстро принимается за дело, но скоро устает, поспешный, крутой, горячий, вспыльчивый’ (Баженов) (СРНГ 38: 145), ср. также *резать* ~ иркут. *резун* ‘резвый, шустрый, бойкий’ (СРНГ 35, 39) и соотносительное с гл. *драть*. влад. *дерябка* ‘задорная женщина, озорница’ (СРНГ 9: 31).

Иное понимание исходной семантики слов. **šalъ(jь)* предложено В.А. Меркуловой. На основе сближения слов. **šalъjь* (<**xēl-*) с **xolpъ*, **xolstъ*, которые являются названиями молодых существ, не дающих потомства по возрасту или социальному положению, В.А. Меркулова восстанавливает исходное значение ‘пустой’. Как она полагает, этот признак доминирует в семантике рус. диал. *халаумный*, *шалоумный* ‘полоумный’, образующими единый семантический ряд с такими словами, как *полоумный* (< *полый* ‘пустой’), *пустой*, *пустоголовый* и т.п.¹¹. Однако в данном случае слова, выполняющие сходные функции, имеют неодинаковую внутреннюю форму. С угасанием мотивации и с развитием вторичных значений (ср. ‘глупый, неразумный, сумасбродный’) происходит сближение слов с разными этимологическими истоками. Таким образом, В.А. Меркулова в своей версии опирается на вторичные семантические процессы.

С восстановлением этимологических истоков слов. **šalъ(jь)* на основе семантического перехода ‘скрести, чистить’ > ‘нечто содранное, ободранное’, ‘то, что плохо обработано’ появляются основания для расширения состава этого гнезда, включения в его состав некоторых русских диалектизмов. Именно в контексте таких семантических преобразований могут получить объяснение рус. влад. *шаль* и *шалъё* ‘мелкая падаль домашняя и шкурки с нее, скапываемые живодерами’ (Даль² IV, 619, 620), волог. *шалáва* ‘плохое зерно’ (Не ходите на работу – не ходите, кушаете *шалаву* – ну и кушайте *шалаву*)¹². Отражение другой линии семантического развития ‘скрести’ > ‘мелкие остатки’ (ср. рус. смол. *скрёбка* ‘остаток, обрезок чего-л. съестного’, твер., пск. *оскрёбки* мн. ‘остатки чего-л.’ – СРНГ 38, 145; СРНГ 24, 17) > униж. ‘нечто мелкое, мелюзга’ можно видеть в рус. новг. *шáлога* собир. ‘озорные подростки, дети’ (Новг. словарь 12, 77).

В процессе развития угасают связи с исходной семантикой. Появляются значения, мотивация которых сильно затмнена. Примером может служить рус. диал. *шалы́га* ‘водоворот, глубокое место в реке’¹³, в основе семантики которого лежит образ неупорядоченного движения, сопровождаемого особым шумом.

В севернорусских диалектах находим этимологически неясные образования в разном суффиксальном оформлении с корнем *шал-* в значении ‘открытое место, поляна’: ср. *шалúг* ‘чистое место’, *шалúга* ‘сенокосная поляна в лесу’, ‘маленький участок чего-л.’, ‘небольшая поляна в лесу’, ‘лужайка’, ‘чистое место в лесу, покос’, *шалы́га* ‘поляна в лесу’, ‘небольшой покос’¹⁴, *шáлога* ‘низкое болотистое место’, ‘заросли кустарника, леса на низком болотистом месте’, ‘молодой небольшой лесок, выросший после срубленного леса’ (Новг. словарь 12, 77), *шалы́* ‘открытое чистое место в лесу’¹⁵. Для этих лексем допускается возможность заимствования из какого-то вымершего финно-угорского языка. В качестве возможного ис-

точника называются формы, близкие фин. *šelkä* ‘кряж, хребет’, ‘открытое море’, диал. *seläke* ‘хребет’, ‘озерное водное пространство’ карел. *šelkä*, *šelgä*, *selgä*, ливв. *šelkoní*, *šelgoni* ‘выжженное место, глухой лес’ и т.п., отсюда рус. диал. *шáлга* ‘большой безлюдный лес’ и ‘ягодное место, делянка в лесу, участок’, *сельга* ‘продолговатая повышенность, покрытая лесом’ и ‘место, расчищенное ради посева хлеба’¹⁶. Предполагается, что на русской почве произошло переоформление исхода заимствования по типу образований на *-уга*, *-ыга* (ср. *калуга*, *лачуга*, *булыга*). И такой подход имеет основания, особенно если учесть географию слова. Однако с некоторой осторожностью, с пониманием сложности языковых процессов можно рассмотреть и альтернативное решение, а именно возможность исконного происхождения северорусских диалектизмов. Лексема живет и функционирует в контексте определенной культуры. Надо иметь в виду, что именно на Севере долго практиковалась архаичная форма земледелия, характеризовавшаяся применением огня и подсеки. На этом этапе развития земледелия были весьма распространены названия расчищенных от леса участков по действиям, обозначаемыми гл. *драть*, *скрести*, *резать*, *ломать* и т.п., и такие семантические отношения отличаются регулярностью и распространяются на основную часть земледельческой терминологии: ср. рус. том. *пóскобель* – чистое место, простое, под посевы вырубались на горе (СРНГ 30: 165), болг. *оскубвамъ* ‘теребить, выдергивать, корчевать’ (Геров) ~ словен. *skúbež* ‘корчевые’ (Pleteršnik II, 501); слав. **dýrati* ~ **dorъ*, **dýraka* и т.д.¹⁷ Можно поставить вопрос, не входят ли северные диалектизмы в этот синонимический ряд. В сфере земледелия происходит дифференциация терминов в пространстве и внутри синонимического ряда. Не исключено, что в семантике северных диалектизмов в значении ‘открытое место, поляна’, ‘чистое место’ реализуется древнее значение ‘скрести, чистить’, реконструируемое для исходной основы. Этимологические истоки слав. **šal-* и функционирование северорусского диалектизма в качестве термина земледелия можно отнести к числу аргументов в пользу исконного происхождения лексем с основой *шал-*.

Рус. диал. *почевáть*

По данным СРНГ, в архангельских говорах и в русских говорах Буковины отмечены гл. *почевáть*, *почéть* ‘чистить, драить’ (ср. *Самовар почéют песком*), ‘очищать зерно от половы’ (ср. *Почевай-ко рожь-ту*), ‘критиковать кого-л., пропесочивать’. Производное *почéвка* ‘лопаточка для размешивания опары, теста’ зафиксировано в

донских говорах (СРНГ 30, 377). Большая вероятность того, что эти образования в сильно измененном виде продолжают основу **tъk-*. Последовательность изменений находит отражение в формах слова, фиксируемых разными словарями: ср. зафиксированное в словаре В.И. Даля (Даль³ III, 940) с пометой стар., церк. гл. *потчáти* ‘воткнуть, вонзить что-л.’, *потчáтися* ‘спотыкаться’ (На поли *потчеся* конь (кн. Глеба) во рву, а наломи ему ногу мало) и отглагольное имя *потчénie* ‘водружение, втыканье’ (Праздник *потчения* кущей у евреев), а также ст.-рус., ц.-слав. *потчение* (*потъчение, поточение, потищение*) ‘установка, водружение’ (Козма Инд.⁷⁴. XVI в. ~ XII–XIII вв. и др.), ‘преткновение, препятствие’ (Оп. I, 311. XVI в. и др.), ‘себлазн’ (Кор. I. VIII. 9. Апост. Толст. XIV в.) (СлРЯ XI–XVII вв. 18, 29–30). К ним примыкают зафиксированный Рыбниковым в олонецком говоре гл. *прищíвить* ‘слегка приколоть иголкой’, *прищíвиться* ‘плотно пристать, прикрепиться к чему-л.’ (СРНГ 32, 73), вероятно, из первонач. **pri-tъč-ivati*, а также север. (новг., пск.) *бóтчеваться* ‘церемониться, стесняться, ломаться (за едой); долго есть’, (олон.) *бóтчиваться* ‘отказываться от угождения, церемониться’ (СРНГ 24, 362, 364).

Приведенные образования с затемненной морфологической структурой и собственной линией мотивационных отношений расширяют представления о составе и семантической структуре гнезда с корнем **tъk-*.

Примечания

- ¹ Никончук Н.В. Из лексики полесского села Листвин // Лексика Полесья. М., 1968, 89.
- ² Карточка “Словаря говоров Русского Севера”. Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Кафедра русского и общего языкоznания. Екатеринбург (далее К-ка СГРС).
- ³ Там же.
- ⁴ Мельничук А.С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология 1966. М., 1968, 203 и след.
- ⁵ К-ка СГРС.
- ⁶ Трубачев О.Н. Славянские этимологии 1–7 // Вопросы славянского языкоznания. Вып. 2. М., 1957, 29. Примеч. 5.
- ⁷ Белетић M. Духовна култура словена у светлу етимологије: јсл. (x)ала // Dzieje Słowian w świetle leksyki // Pod red. J. Ruska, W. Borysia, L. Bednarczuka. Kraków, 1992.
- ⁸ Подробнее см.: Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004, 226 и след.
- ⁹ Reizek J. K chronologii vzniku iniciálneho praslovanského *ch-* // Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. Mezinárodní kongres slavistů, Ljubljana, 15 – 21. 8. 2002, 118.
- ¹⁰ Мельничук А.С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков, 216.

- ¹¹ Меркулова В.А. Народные названия болезней (на материале русского языка). IV // Этимология 1986–1987. М., 1989, 152.
- ¹² К-ка СГРС.
- ¹³ Картотека костромского словаря. Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Кафедра русского и общего языкознания. Екатеринбург.
- ¹⁴ К-ка СГРС.
- ¹⁵ Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981, 43.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Куркина Л.В. От *terra inculta* к *terra culta* (на материале лексики подсечно-огневого земледелия) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М., 2003, 50–78.

А. Лома

ОДНА СЛАВЯНО-ИРАНСКАЯ ИЗОГЛОССА В ОБЛАСТИ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ СТ.-СЛАВ. *ВРЫТЬПЬ*: Н.-ПЕРС. *GIRDĀB**

Рассматриваемое здесь слово, с точки зрения этимологов, пришло из старославянского языка, в котором оно представлено в форме *врътъпъ* и обычно передает греч. *σπήλαιον* ‘пещера’. Только на одном месте евангелия от Иоанна (XIX, 41) данное слово является переводом греч. *χῆπος* ‘сад’, дублируя в этом значении *врътъ*, а в Супрасльской рукописи встречается и сложное слово *врът(ъ)поградъ* как вариант к *врътоградъ* ‘парадайс’*. Из старославянского происходит др.-рус. *врътъпъ*, рус., укр. *вертепъ* ‘пещера, притон; сценическое изображение рождества Христова’; в последнем значении русско-церковнославянское слово заимствовано сербским языком.

Миклошич охарактеризовал *врътъпъ* как “темное слово”¹, тогда как Фасмер (I, 300), исходя из значения ‘сад’, возводил его вместе с *врътъ* к и.-е. корню *wer-* ‘запирать’, несмотря на то, что ему было известно болг. диал. *врътопъ* ‘водоворот’², которое уже Младеновым (Младенов 92 s.v. *врна*) было причислено к производным от глагола **vṛtēti*. В другом месте болгарский ученый объяснял *-оп* как суффикс, выделяемый и в болг. *вързоп* ‘связка’, от **verzti*, **vrzq*³. Этимологию Младенова приняли независимо друг от друга Петар Сок, который объясняет *врътъпъ* ‘сад’ как плод вторичной контак-

* Работа выполнена по проекту 1591 “Этнологическое изучение сербского языка и создание этимологического словаря сербского языка”, который финансируется Министерством науки и защиты окружающей среды Республики Сербия.